

Бесы и герои с других планет

Ипостаси Максима Суханова

Культура. - 1999 -
1-7 июля - с. 9

Я стоял на троллейбусной остановке, когда ко мне подбежал, вынырнув внезапно откуда-то сбоку, молодой человек с копной взъерошенных черных волос и с горящими глазами. Не поздоровавшись и не представившись, с ходу спросил: "Вы смотрели "Саломею, царицу Иудейскую"? Я сразу угадал в незнакомце по его поведению одного из тех театральных фанатов, которые, увидев поразивший их спектакль или актера, не могут, восхищенные, не излить своих впечатлений на случайного встречного.

Выяснилось, что в помещении театра вахтанговцев московская драматическая труппа "О Кей" Ольги Шведовой играет знаменитую пьесу Оскара Уайльда. По ее мотивам композитор Максим Дунаевский и поэт Юрий Ряшенцев создали рок-мюзикл, который поставил екатеринбургский режиссер Кирилл Стрежнев.

— Вам это непременно надо увидеть! Непременно! — восторженно убеждал меня незнакомец. — Там играет Максим Суханов, удивительный актер! Вы его царя Ирода никогда не забудете. Посмотрите обязательно!.. — И он еще долго захлебывался восторженными эпитетами, пока не подошел мой троллейбус и мы не расстались.

Через день я уже сидел в вахтанговском зале.

...Иудея. Начало первого тысячелетия нашей эры. Дворец римского наместника, тетрарха Ирода.

Ирод — Суханов, высокий, мощный, задрапирован в богатый пурпурный плащ. Нервно ковыляет, подтягивая вывернутую левую ногу. Голос резкий, скрипучий, поднимается, когда актер поет, до истерического визга. Во всей фигуре — излом, надрыв и страх. Тетрарх хотел бы выглядеть победительным, но то и дело прячет лицо в складки плаща. Он слышит доносящийся из темницы голос Иоканаана. Христианский пророк обличает мир, погрязший в грехе, и предрекает пришествие карающего Спасителя. Прорицания Иоканаана повергают Ирода в ужас. Он зябко кутается в плащ, чтобы тут же вновь распахнуть его от невыносимого жара, ибо ад в его душе. За преступную страсть к падчице он должен заплатить страшную цену: Саломея требует принести ей на серебряном блюде голову Иоканаана. Ирод мечется между искушением и страхом. Но когда Саломея сладострастно стонет у отсеченной головы, он приказывает страже: "Убейте ее!" — а в глазах его безумие.

Исторический персонаж нередко несет в себе некую загадку как бы пришельца с другой планеты. Таков и Ирод Суханова, словно заброшенный на иссушенную землю древней Иудеи, под ее мертвенную луну.

Второе мое знакомство с актером состоялось на спектакле столичного Драматического театра имени Станиславского "Ревизор". Но на афише и в программке название пьесы и фамилия героя писались "Х...лестаков". Именно так: с отскочившей первой буквой и с преудеомлением, что это сценическая версия режиссера-постановщика Владимира Мирзоева. А о самом Мирзоеве как агрессивном возмутителе спокойствия, мистификаторе и насмешнике уже ходило в театральной среде немало толков. После спектакля и мне довелось услышать, как некоторые

М. Суханов в роли Ирода

воинственно настроенные зрители громко возмущались, мол, "за такое" надо руки-ноги повыдергать у постановщика. Ну а я потом еще раз приходил на встречу с этим самым "Х...лестаковым". Так хотелось снова увидеть, услышать и проследить, как поистине фантастически играет Максим Суханов того, кто явился в мир под видом сего Хлестакова. А, как известно, Гоголь писал: "Уже с давних пор я только и хлопочу, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чертом".

Постановщик и воспользовался намеком классика. Объясняя и еще некоторые истоки своего сценического прочтения пьесы, Мирзоев вспоминает, что вычитал где-то: у Пушкина в его черновых набросках есть наметки какого-то произведения, действие которого происходит в некоем провинциальном городке, куда явились Фауст и Мефистофель (черт) под видом чиновника и его слуги. При этом черт называется господином "Х"... Этого черта, оборотня, господина "Х" и играет Максим Суханов. Играет с дьявольским азартом и нечеловеческой энергией мгновенных перевоплощений. Его бес повсюду и одновременно существует "езде-езде". И потому мирзоевские вкрапления в гоголевский текст вроде немецкого концлагерного "Хальт!", строк из Пушкина и куплета из уголовного, зековского фольклора — все это и не могло не появиться в лексиконе сегодняшнего, нагло ликующего сухановского беса — Хлестакова.

Но мне кажется, что откуда-то оттуда или, я бы сказал, с другой планеты приходят и некоторые другие герои, сыгранные Максимом Сухановым за последнее время в театре и кино. С ними он познакомил нас недавно в двух спектаклях, поставленных тем же Владимиром Мирзоевым. Один из них — "Амфитрион" по одноименной комедии Мольера, другой — "Две женщины" по тургеневской комедии "Месяц в деревне". Первый из них идет на сцене Вахтанговского театра, второй в Ленком.

В мольеровской комедии сухановский герой Меркурий родом из небожителей. Он — подручный самого громовержца Юпитера, и надо видеть, с какой недоступной для простых смертных всевластной невозмутимостью бритоголо-

вый и косолапый верзила Меркурий—Суханов лениво дурачит глупого Созия. Тут прямое, так сказать, сошествие героя с небес. Но вот с провинциальным доктором Шпигельским в "Двух женщинах" все обстоит сложнее. Если в мирзоевских прогулках с Гоголем актер остался в реально-фантастическом мире великой российской и всечеловеческой комедии, то в вероухах разорванного режиссером психологического тургеневского плетения он появляется по-прежнему дьявольски завораживающим провокатором и насмешником, однако неизвестно откуда и как сюда упавшим. Как заметил кто-то из критиков, он "воплощает непредсказуемую и радостную агрессию современного мира".

Из этого же, но уже безоговорочно современного мира и герой Суханова в фильме Валерия Тодоровского "Страна глухих". Это — новый русский по прозвищу Свинья. Он нашенский и в тоже время явно занесенный с планеты Голливуд (не путать с одноименным московским рестораном Чака Норриса), где с недавних пор установилась мода на дебилов, которые лихо обходят всех своих соперников не только в спорте, но и в бизнесе и даже и политике, поднимаясь на пьедестал национальных героев. Правда, в фильме Тодоровского биография героя не прояснена. Однако он всемогущ и неуязвим, как Терминатор, и пытается очаровывать, как Ричард Гир...

И вот Суханов почти одновременно появился (узнаем дьявольскую повадку) в премьерных спектакле и фильме. В компанию с изрядно перетряхнутыми Гоголем, Мольером и Тургеневым Мирзоев присоединил и Шекспира. Правда, сама личность этого сочинителя и подлинность его существования подвергнуты в современном литературоведении, а также в театральном и киномире сомнению. В этой ситуации, право же, стоит поблагодарить режиссера, что он, учитывая солидный возраст гения, не повыдирав всех листов из его "Укрощения строптивой". В результате спектакль получился дурашливый, ернический, одетый в лохмотья и все же шекспировский, хотя и с перекошенным лицом. Суханов все это принял с восторгом и порезвился вволю. Смотрилось не без удовольствия, но примешался

и некий привкус повторения уже ранее использованных решений.

И потому с обостренным вниманием вглядываешься в кадры фильма "Мама" Дениса Евстигнеева, в котором Суханов играет роль второго плана, роль эпизодическую, в окружении звездной команды (Мордюкова, Меньшиков, Машков, Миронов), но не остается незамеченным. Никаких модернистских примочек. Строго традиционно, реалистично. И какая сила! Начальник психиатрической спецбольницы. Больница? Спецотделение ГУЛАГа и его палач. Невозмутимый, непроницаемый. Слова не скажет, но только пикни — и размажет по стене.

Работа с такими разными режиссерами, как Владимир Мирзоев, Валерий Тодоровский и Денис Евстигнеев, еще раз напомнила, что Суханов — вахтанговец, актер яркой театральной формы, искусства праздничного розыгрыша, умеющий надеть любую маску и играть в ней естественно и импровизационно — и в рисунке гротеска, и в традициях психологического перевоплощения. Это подтверждает и премия "Ника"-98 в номинации "роль второго плана" (фильм "Страна глухих"), которую он завоевал в большом и нелегком соревновании талантов.

Кстати, еще одно напоминание о ресторане (на этот раз не о "Голливуде"). Актер Максим Суханов — владелец небольшого ресторана клубного типа, существующего бок о бок с одним из столичных театров. Ресторан закрытый, только для своей, артистической публики.

Я беседую с Максимом:

— Как вам удается совмещать позицию театра с прозой ресторанного бизнеса?

— Семью надо кормить, она у меня большая. А сколько зарабатывает актер в театре и даже кино, для вас не тайна. Спектакль кончается, я разгримировываюсь и скорее туда. Хозяйский глаз нужен недремлющий. А утром на какой-нибудь овощной базе. И говоришь уже не языком Гоголя, Мольера или Тургенева...

Вот так! Кажется, еще вчера все это показалось бы дьявольщиной. А ныне — театр нашей жизни.

Георгий КАПРАЛОВ

07.07.99
Суханов Максим